

СХВАТКА

После отпуска, приехав с детьми в пятую бригаду совхоза «Расцвет севера», Абрам ходил на дежурство с бригадиром Мико и его сыном Сергеем. Стойбище располагалось на левой стороне реки Вархалам, километрах в пяти ниже устья речки Хигичан. Олени паслись, поедая ягель и зеленую траву, и ничего особенного не происходило, пока стадо не забрело в густой вековой стланик. Кусты кедрача были столь большими, что с близлежащей террасы стадо невозможно было рассмотреть.

– Бу итныдим орамбу болгитал бардала, хи-да орамбу илбэли Хигичан холилэн. Болгиту мудакрам тадук бакалдыдим (Мы с Сергеем проверим оленей на той стороне стланика, а ты гони оленей вниз по течению вдоль Хигичана, пока не закончится стланик, там и встретимся), – сказал Мико, и они с сыном скрылись в зарослях. Мико – опытный оленевод, не раз замещал бригадира, и сейчас ему доверили эту должность на время отпуска основного бригадира Ивана.

Абрам криками сгонял оленей, направляя их в сторону равнины, начинавшейся там, где кончался стланик. Вдруг до его слуха донёлся нарастающий гул: что-то потревожило стадо. Один за другим мимо пастуха промчался с десяток оленей, а за ними гнался мощный бурый медведь. Стланик был настолько плотный, а поляна мала, что хищник просто не успел отпрыгнуть в сторону при виде внезапно возникшего перед ним человека.

Медведь просто так с человеком иметь дело не станет, обойдет, избегая встречи. И вовсе не от трусости. Он мудр. Иной раз ходишь по лесу день за днем, а медведя увидишь редко, лишь тогда, когда он потеряет запах человека.

Доли секунды Абрам стоял в оцепенении, хиркан (нож) в энъки (ножны) остались в рюкзаке. Полчаса назад, сидя у костра, сам положил. Карабин в смену не брали: очень тяжело таскать его целый день, да и пасли недалеко от стойбища – километрах в четырех.

Медведь от безвыходности

пошёл на человека и свалил Абрама в речку. Удар был смертельный, если бы вода не смягчила его. Медведь хоть и силен, в воде ему было несподручно расправляться с пастухом. Он вытянул человека на берег и начал снимать скальп. Боль была ужасная, вся жизнь пролетела перед глазами Абрама...

На прошлой смене или немного раньше Абрам во время проливного дождя взял, чтобы укрыть голову, материал из разбитого медведем геологического вагончика. А у эвенов существует поверье, что брать найденную старую вещь нельзя: она уже принадлежит медведю, и хозяин обязательно придёт за ней. Мико предупреждал Абрама, но тому всё это казалось сказками. Вот он и взял с собой материю. Да и в этот трагический момент той тканью была обмотана голова, чтобы вытирать пот.

Боль пронзила голову, крик, вырвавшийся изнутри, был настолько пронизывающий, что казалось, его слышит весь мир. Мико и выбежавший из-за стланика Сергей поспешили на помощь.

– Серёга, медведь! Медведь! Медведь! Уходи! – кричал истекающий кровью Абрам.

Сергей тарасил испуганные глаза, пока не понял, что ничем не может помочь раненому. Вырвавшись из оцепенения, он побежал к стойбищу. Гена – старший брат Сергея, рыбачил чуть ниже стойбища на Вархаламе, взяв с собой младшего брата Сеню, который то и дело бросал камни в реку и распугивал шедших на нерест горбушу и кету. Несмотря на такое времяпровождение, рыбалка удавалась.

– Гена! Гена! Медведь! Папу медведь задрал! – плача, бежа-

ла по дороге их сестра Марина и, обняв младшего брата, повела его в стойбище.

А Гена уже был возле палаток. Оставив свежевывловленную кету на берегу, он взял карабин и побежал к стаду.

Медведь хладнокровно орудовал острыми когтями, то и дело отгоняя надоедливую собаку, впивавшуюся, словно комар, ему в спину. Если бы не её старания, то хозяину уже настал бы конец.

...Давным-давно Мико подарил Абраму старую собаку по кличке Моряк, но через некоторое время она умерла под упавшим деревом: от старости не смогла вовремя увернуться. После смерти Моряка Марфа, жена бригадира Ивана, подарила Абраму новорожденного щенка. Сын Сеня таскал его вместе с другими щенками на наледь – «мерить глубину». Абрам назвал его Моряком в честь старой собаки. Все щенки из этого помёта долго не прожили, многих из них сразила чумка. Но Моряк выжил и работал до глубокой собачьей старости. В возрасте шестнадцати – семнадцати лет глухая и дряхлая собака ушла умирать в тундру.

...Моряк рьяно защищал своего хозяина, кусая медведя, ловко и с бесстрашием манил его на себя.

– Мину мултули, муландали эди мадали (отпусти меня, пожалуйста, не убивай меня), – выдавил просьбу из раненой груди Абрам, обращаясь к медведю.

– Часки хорли нугдэ! Ку-у! Ку-у! Часки хорли (уйди прочь, медведь)! – во всё горло кричал Мико, стуча концами посоха и длинной палки, изображая подобие выстрела...

Сознание у Абрама уходило,

внутренности вывалились на землю. Медведь ушёл, так и не сломив волю человека к жизни. Абрам так и не узнает о его дальнейшей судьбе. Убили его тогда или нет, даже не интересовался. Да и о медведе эвены просто так не говорят, боятся, что придёт, услышав своё имя.

Мико связал маутом стланик, соорудив подобие носилок, чтобы перенести умирающего напарника до прибытия санрейса на поляну. На счастье, кроме фельдшера, в стойбище находилась начинающий врач Татьяна – дочь Марфы и Ивана. То ли она была студенткой-практиканткой, то ли только начинала работать в больнице. Времени прошло уже немало, не упомнишь.

Оказав первую помощь, стали дожидаться санрейса. Время шло мучительно долго.

«Как же дети?» – сверлило в голове Абрама...

Из тумана показался вертолёт. Врачи при помощи пастухов перенесли истекающего кровью в салон, сделали необходимые уколы.

...Сознание пришло уже в Эвенске, в больнице. Врачи приготовили «тяжелого» для отправки в Магадан. Но непогода загнала авиацию в угол.

«Как дети? Нужно готовить их в школу, – крутилось в голове Абрама, – надо выжить для детей».

Вечером у костра в дюкане (юрте) обсуждали происшествие. Дети ловили каждое слово, не всегда предназначенное для их ушей.

– Кишки мы собирали с земли и уложили прямо в живот, – с горечью говорила Татьяна. Сделав глоток чая, чтобы перевести дух, продолжила. – Лицо всё покалечено, страшно было смотреть.

Марина убежала в кустарники и тихо плакала. Все переживали и очень жалели детей.

– Би гэрбэтэн бэй кокэче дэсчин (я думал, мёртвый человек лежит), – рассказывал спустя некоторое время Папачан, который лежал в то время в больнице и случайно заглянул в палату Абрама.

Положение с каждым днём ухудшалось, раненому пастуху вводили обезболивающее. Самолет стоял в полной готовности. На четвертый день небо прояснилось, и летчики решились на вылет – под свою ответственность. Безотказная «Аннушка», скрывшись в тумане, взяла курс на Магадан. В порту малой авиации на тринадцатом километре ожидала «Скорая».

Абрам очнулся в холодном помещении. Он принялся стучать о деревянную кушетку. У появившегося врача попросил пить. Утолив жажду, вновь потерял сознание. Через некоторое время вновь очнулся. Яркий слепящий свет бил в лицо. Люди в марлевых повязках что-то говорили. Догадался: «Операция».

Здоровье мало-помалу возвращалось, силы прибавлялись с каждым днём. На соседней койке лежал парень-шофёр – не справился с управлением. Его машина в районе посёлка Талая слетела с дороги. Чудом спасли его в реанимации. Мать навещала парня каждый день и всякий раз не могла удержать слез:

– Вы оба выжили, Бог вам помог – от смерти спас. Всё время Бога о вас молю.

– Ну, ты и крепкий мужик, – сказал врач Абраму во время осмотра, – другие бы не выжили.

Каждый день приходила дочь Анна.

Уже после выписки он узнал не новую для других новость. Ждал вылета в Эвенск, и одна незнакомая женщина шепнула ему:

– Ты тогда в морге лежал. Врач не велел говорить. Ты воды попросил, вот в операционную и повезли. Умер ты, а ожил. Как-то он говорил... Клиническая смерть. Чудно как.

Три месяца прошло, пора домой, к детям. Лицо, покрытое шрамами, наполовину закрывали большие солнцезащитные очки. Один глаз не открывался. После того, как приехал домой, первое время старался не выходить из комнаты, чтобы не пугать детей своим видом. Спустя некоторое время пообвыкся, стал принимать родственников, гостей. Жизнь входила в своё русло.

То место стали называть Абрам болгитал (Абрамовские стланики). Мне доводилось бывать в тех местах и гонять по этому стланику оленей. Он стал ещё гуще. Один раз мы три часа выгоняли забредшее туда стадо. Очень сильно вымотались.

С тех пор прошло немало лет. И как-то к Абраму, гревшему у печи спину, в гости зашла Марфа с рюкзаком.

– Абрам, рюкзак гали хиркан, эньки долан бисни (возьми рюкзак, нож и ножны внутри лежат).

Это спустя столько лет было найдено то, что было когда-то потеряно в смертельной схватке. Тогда было не до рюкзака. Воспоминания вновь нахлынули на старика, и в грустных глазах предательски выступили слёзы.

ОРАНЖЕВОЕ ЯБЛОКО

В детском саду, где я и дневал, и ночевал, воспитателем была Мария Васильевна. Она общала меня к цивилизованной жизни. Отец круглый год находился в оленеводческой бригаде, лишь время от времени приезжал в центральную усадьбу в Гижигу. Когда умерла мама, ему стало невозможно ставить на ноги нас восьмерых. Я был седьмым в семье, а самую младшую взяли под свою опеку дедушка Виталий и бабушка Улита.

Раннее детство я провел с отцом, и когда меня приняли в детский сад, я не умел говорить по-русски. Мария Васильевна учила меня русским словам, а я не оставался в долгу – начал обучать её разговоривать по-эвенски.

– Мария Васильевна, когда я приду, то говори мне «Дорова», значит, здравствуй.

На том и порешили.

– Дрова, Сеня! – бойко, с выражением, по-солдатски отчеканила воспитательница, придя утром на работу.

– Да не дрова, а дорова! До-рова – это же очень просто, – с досадой я смотрел на свою «ученицу».

Раньше, в советские времена, в детском саду, в школе и в больнице во время обедов давали различные фрукты и овощи. Это называлось «витаминизация». Мне очень нравились яблоки.

– Какой вкусный и большой ягода, Мария Васильевна, – говорю воспитательнице, с хрустом поедая спелый зелёный плод.

– Это не ягода, это фрукт, и называется «яблоко».

– А что такое фрукт? Я в тундре не видел такого.

– Оно растёт далеко отсюда, там, где тепло.

– Правда, тепло? А ты не обманываешь меня? Разве бывает всегда тепло? – удивлялся я. – У нас только летом можно ходить без куртки и не мёрзнуть, а в остальное время холодно бывает. Да и то дожди с туманами над тундрой гуляют.

– Есть такие места на земле, где целый год можно ходить без куртки и не мёрзнуть.

– Наверное, там олени всегда жирные бывают? Им не приходится голодными копать глубокий снег, чтобы поестъ ягель.

Воспитательница зареклась продолжать беседу, остерегаясь всё новых и новых вопросов. Ведь в скором времени должна прийти нянечка, чтобы забрать оставшихся детей и отвести их в ночную группу.

– Дрова, Сеня!

– Да не дрова, а до-ро-ва. Ты, наверное, в школе училась плохо, Мария Васильевна, раз не можешь запомнить.

– Хорошо, запомнила: до-ро-ва, до-ро-ва!

На завтрак обычно давали молочную кашу.

– Эрэкмолоков, манный кашав кэнелич бивэттэн. Чакты бидай, минду боли улрыв, олрав – тарав айдмар бивэттэн.

– О чём ты говоришь? Я не понимаю тебя.

– Молоко, манная каша – не вкусно, будьте добры, дайте мне мясо или рыбу – всё-таки это лучше.

Как обычно, попив чай с хлебом, намазанным маслом, я незаметно для воспитателя переливал кашу соседям по столу. Конечно, воспитательница ругала за это, но ничего со мной поделать не могла.

После завтрака выходили всей группой на прогулку.

– Шарик! – Так по несколько раз кричали мы всеми группами, находившимися на территории, вслед улетающему в неизвестность зонду, запущенному местной метеостанцией.

Вдоволь нагулявшись, мы, обмениваясь впечатлениями, заходили в игровую, где находились до обеда.

В обед давали крупные оранжевые яблоки. Первый раз, попробовав такое яблоко, я начал машинально глазами искать воспитательницу. Так и не найдя её, положил яблоко под подушку.

Самое мучительное было время послеобеденного сна, и, чтобы его скоротать, мы рассказывали друг другу различные истории. Я обычно говорил об оленях, волках и медведях. Другие дети рассказывали, как летали в самолетах, ездили в машинах и на мотоциклах, плавали на моторных лодках. От зависти и обиды я стал приукрашивать свои истории: мол, выстрелами из ружья убил двух волков, ранил медведя, а в прошлом году вообще поймал маутом (арканом) оленя.

– Всем спать, не шумите, – резким строгим голосом прерывала наши увлеченные беседы, переходившие в жаркие споры, воспитательница.

На полдник всегда давали либо молоко, либо кефир. Многие из нас, приезжих из бригад, отказывались

от полезного для здоровья питья. Воспитатель даже не предлагала добавки, знала – всё выльем. А вот если давали мясной суп или гарнир с мясом – иное дело. После полдника я подошёл к воспитателю:

– Мария Васильевна, яблоко испортилось, оно совсем невкусное и сильно горькое.

– Какое яблоко? – удивлённо спросила воспитатель.

– Да вот же. Под подушкой лежало.

– Так ведь это же не яблоко, а апельсин, – повеселев, объяснила мне Мария Васильевна и, ловко почистив его, протянула мне дольку.

– Теперь вкусно?

– Да, вкусно, как это яблоко называется?

– Это апельсин, а вовсе не яблоко...

– Дорова!

– Дорова!

– Он такан (как дела)?

– Аич (хорошо).

– Хину он гэрбэн (как тебя зовут)?

– Мин гэрбэв Семендя (меня зовут Семендя).

– Хину он гэрбэн?

– Мин гэрбэв Мария Васильевна.

Так вот и общались мы с моей воспитательницей, передавая друг другу частицу своей культуры.

Аич бидлирэ, Мария Васильевна! Живите долго и счастливо, Мария Васильевна!

МЕДВЕДИЦА

Осенью наше стойбище кочевало в верховьях реки Вархалам. Стадо на ночь оставляли в определённом месте, а ранним утром, как посветлеет, его собирали, передавая дневной смене. И так день за днем.

Однажды утром, попив чаю, бригадир, распределяя пастухов на участки, велел мне с Чивиткиным Рудольфом обследовать распадок Гилинэмнэм (Глинистый) и всех найденных оленей сгонять на поляну у реки Вархалам.

Собрав в рюкзак всё необходимое: котелок, чай, сахар, лепёшки, запасные спички, завернутые в полиэтиленовый пакетик, вышли мы по указанному маршруту. Сразу договорились, что я пойду вдоль самого русла ручья вверх по течению по правой стороне, а Рудик по левой, но по хребту соп-

ки. Покурив, Рудик затушил сигарету и скрылся в стланике, поднимаясь вверх по склону.

В распадке нашего ручья находилось больше половины стада. Остальные пастухи пошли искать оленей – кто вверх по Вархаламу, кто на другую сторону реки. Нам с Рудольфом нужно было дойти до передних оленей и пасти их вниз по течению, а там встретиться с другими поисковиками. Сгоняя оленей с правого склона, заросшего густым стлаником и редким листвяником, я изредка поглядывал на Рудольфа, который хорошо был виден на горизонте и шёл с такой же скоростью, что и я.

«Вот вроде бы и передние олени», – подумал я, пройдя пару километров и, напевая во всё горло знаменитый в то время хит популярной группы, остановился.

Обычно когда кричишь или поёшь песню, то олени, реагируя на звуки, собираются в кучу, что они и делали.

Боковым зрением я уловил большое тёмное пятно, которое слегка шевелилось. Метрах в двадцати от меня, на противоположной стороне ручья, среди оленей мирно отдыхала, наслаждаясь игрой своих детёнышей, медведица. Тут же страх сковал всё моё тело. Я замер, кровь застыла в жилах, ком подкатился к горлу, ноги подкосились. От неожиданности я присел на торчащую возле меня кочку. Раньше медведей видел и с более близкого расстояния, но медведицу с медвежатами – впервые. Три медвежонка проворно играли друг с другом, а мать, сидя рядом, будто смотрела прямо на меня. Нюхая воздух, медведица направила морду в мою сторону. Видит ли она меня? В какую сторону ветер дует? Вот незадача – с моей стороны!

Олени мирно паслись метрах в десяти вокруг семейства медведей. Медведица и не думала на них нападать. В данный момент она точно смотрела прямо на меня. От кого же ещё ей ждать опасности, как не от человека? Ей эта встреча, как и мне, была нежелательна, как и нежелательны её последствия.

Медведица резво встала на дыбы, подняв лапы перед собой. В этот момент вся моя жизнь, словно в ускоренном кино, пронеслась перед глазами. Медведица принюхивалась в мою сторону, шевеля ушами. Встав на четыре лапы, она оглядела малышей, один из которых хотел было из любопытства ринуться ко мне. Но, сделав пару прыжков, он был остановлен мамашей и, получив приличный

увесистый шлепок, скуля, покатился в противоположную от меня сторону. В этот момент я ещё более испугался, вспоминая рассказ отца от знакомых о встречах с медведем.

Остальные медвежата, видимо поняв рык матери и не желая получить тумака, как младший братишка, потянулись вслед за медведицей. Четыре зверя начали свой подъём вверх по склону сопки, то скрываясь за стлаником, то появляясь на маленьких полянах. Медведица, вставая среди стланика на задние лапы, почти наполовину показывалась из него.

В это время Рудольф, поняв, что выше по течению оленей нет, стал спускаться в мою сторону. Я его увидел шагающим через открытые полянки – в стланике его видно не было. Но ко мне еще не вернулся дар речи, и я не мог предупредить об опасности ничего не подозревающего Рудольфа, который шёл прямо навстречу к приближающимся животным. Как ни пытался я крикнуть, ком не хотел рассасываться и ещё сильнее сдавливал грудь и горло.

«Я буду виноват в смерти Рудика», – приходило на ум. Через некоторое время я увидел силуэт бегущего в сторону от медведей человека.

– Фу, – облегчённо выдохнул я. – Рудик, медведь! Быстрее беги!

Как будто бы я заговорил впервые в жизни. Чуть ниже горизонта, среди редко растущей ольхи, медведица встала на задние лапы, в последний раз посмотрела в нашу сторону, словно прощаясь, вернулась в обычное положение и на большой скорости, подгоняя медвежат, побежала вверх по распадку.

– Ку-у, ку-у! – кричал я вслед убегающей четверке.

Через некоторое время подошёл Рудольф и, поделившись впечатлениями, начал свой рассказ:

– Иду я, время от времени поглядывая в бинокль, слышу, ты песни поёшь, а потом вдруг резко замолчал. Что бы это значило? Посмотрев вверх по распадку, не увидел оленей, начал спускаться. Иду я, выбираю дорогу среди стланика, выхожу на поляны. Убирая для прохода ветки стланика, столбенею: на меня движется медвежье семейство. Они по ту сторону поляны, я – по эту. Недолго думая, разворачиваюсь и что есть силы бегу обратно. Думаю – доберусь до верха, а там и до большой каменной скалы, торчащей из-под земли, рукой подать. А дальше ты знаешь... Кстати, а почему ты не предупредил?

– Да у меня голос от испуга пропал, – ответил я напарнику и показал место, где отдыхали медведи.

– Я так и понял, когда бежал от медведей, – сказал Рудольф. – Ты пока паси оленей вниз по течению ручья, а я проверю – может быть, есть выше олешки – посмотрю по следам, но мне кажется, что они и есть передние.

– Ты там держи ухо востро, опять не встретись с этими, – пока-

зав в сторону медведей, предупредил я напарника.

– Да нет, они далеко убежали, ты ведь сильно кричал. Хорошо ещё, сытые они были, – сказал Рудольф и пошёл, растворившись среди кустарников.

Через полчаса он догнал меня. Подгоняя оленей к назначенному месту, мы не могли не говорить о происшедшем.

– Медведи и вправду сытые были, я там видел свежую тушку явкана (годовалого оленёнка). Видимо, медведица остановила ночью оленей, и они, пробежав немного, там и паслись, где ты их и нашёл.

Подогнав оленей к равнине, я начал сооружать таган, Рудольф сходил по воду. Повесив чайник над костром, мы ожидали приближающихся с разных сторон пастухов, подгонявших другие группы оленей. Собрав стадо, мы начали пить чай, вытащив из рюкзаков испеченные накануне лепёшки. Олени, насытившиеся за ночь, улеглись.

– Когда медведь встает на дыбы, то значит, он уходит, – сказал мне бригадир Иван. – Сейчас медведи сытые: кормятся ягодой, шишками, летом рыбу ели... Если бы весной встретилась, было бы хуже.

Дождавшись дневную смену, мы медленно направились к стойбищу.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Накануне этого великого для каждого россиянина, жителей стран СНГ, да и всего мира дня мы делали венки. На следующий день учащиеся Гижигинской средней школы имени Лягушина должны были возложить их на могилы

ветеранам, отдавая дань уважения всем воинам и труженикам тыла – тем, кто приближал День Великой Победы над фашистской Германией. Старшеклассники днем ранее натаскали кедрача. Девчонки сделали цветы из цветной бумаги,

обмакнув их при этом в расплавленный парафин. Ну а венки делали мы – я и мои одноклассники Казик и Вася под руководством классного, учителя физкультуры Алексея Николаевича.

– Какое у нас прекрасное знамя, смотрю на него и прямо не налюбуюсь, красота! – с восхищением произнесла завуч Светлана Максимовна, зашедшая в кабинет проведать процесс изготовления венков. – Как у вас, все получается?

– Ребята молодцы, к работе приступили ответственно, стараются, – ответил на вопрос наш классный.

– Долго вам еще? Ребята, в столовую потом сходите, вас там накормят.

– Спасибо, работы хватает – пока проволоку в обод скрутим, на него потом ветки закрепим.

– Не буду мешать, у самой с документацией работы полно. Если что, то я у себя.

– Знамя и вправду красивое, алое. Где только Михайловна материю достала? – вслух рассуждал Алексей Николаевич. – Ребята, а давайте завтра в поход пойдем. Школа завтра на кладбище, а мы на сопку Школьную рванем. Знамя прихватим и установим его в честь Дня Победы.

– Здорово, Алексей Николаевич, вы придумали... Я согласен, только вот у родителей спрошу... – с задумчивостью сказал Казик, видимо, перебирал в голове слова, которыми он поставит отца и мать в известность о своих планах.

– Я тоже пойду, – сказал Васька.

– А во сколько выйдем, Алексей Николаевич? – спросил я.

– Полдесятого сбор, в десять

выходим. Встречаемся у меня в кабинете, заходим через интернат.

– А как со ... знаменем? – мы все загадочно переглянулись, предвкушая что-то особенное.

Недолго думая, классный пошел в кабинет завуча по «личному вопросу», а мы тем временем сняли стяг с флагштока, мигом перетащили знамя из рекреации в кабинет литературы, где делали венки, и спрятали его за шторой. Проведя операцию, мы вновь принялись за работу, а через некоторое время нас пригласили в столовую. Мы пообедали, взяли с собой по стакану киселя.

– Алеша, а где знамя? – спросила снова зашедшая нас проведать Светлана Максимовна. Вид у нее был уставший. Документов, наверное, было много, да и проверка тетрадей отнимала много времени.

– Не знаем, не видели, – непридуманно, как ни в чем не бывало, ответил Алексей Николаевич.

– Наверное, Михайловна после концерта и убрала, – подыграл классному Казбек.

– Да, наверняка, она его спрятала – красная материя сейчас в дефиците, на следующий год оно и пригодится, – поддержали товарищей мы с Васькой.

Так ничего и не понявшая завуч пошла к себе в кабинет. Она уже и забыла, как два часа назад восхищалась Знаменем Победы. Сделав дело, мы незаметно перенесли знамя к спортивному залу, а Алексей Николаевич занес его к себе в кабинет. Попрощавшись со Светланой Максимовной, мы вышли на крыльцо школы.

– Завтра в полдесятого сбор, сухпаек не забудьте, котелок у

меня есть, ложки, кружки, тарелки возьмите. Родители подскажут, что брать.

Так и разошлись.

Утром, прихватив с собой рюкзак и положив в него сгущенку, кусок оленины, вяленое мясо, четыре пластинки юколы, хлеба, сахара, пачку индийского чая, посуду, походный чайник и охотничий нож, я пошел в интернат на завтрак.

В школьные годы я считался интернатовским, и даже когда в старших классах жил дома (по заявлению родителей или старших сестер и братьев воспитанники интерната могли проживать дома), питался в столовой. Иногда приходилось в интернате и ночевать. На каникулы, как в летние, так и в зимние, нам выдавали сухой паек. Но всё же большую часть детства я прожил в интернате. Даже в садик меня отводили старшие сестры или брат из интерната, где я находился во время отсутствия отца.

Алексей Николаевич уже был в кабинете, когда я вышел из столовой. Казик пришел, как и договаривались – к половине десятого. Василия не было. Без четверти десять мы с Казбеком пошли домой за пропавшим одноклассником. Постучались в дверь, вышел ожидавший нас Василий и расстроенным голосом сказал, что родители его не отпускают.

– Дядя Витя, отпустите Ваську с нами в поход.

– Кто идет?

– Алексей Николаевич и мы троим.

– Нет, Вася не пойдет, он наказан и знает за что.

Посочувствовав взглядом Василию, мы бегом ринулись в школу.

– Васька не пойдет, наказан за что-то.

– Выходим без него. Готовы?

– Да.

Мы вышли из поселка, подгоняемые весенним майским ветерком. Ярko-белый снег ослеплял глаза. Перейдя распадок, мы начали подыматься к подножию Школьной.

– Нужно было с собою лыжи взять, быстрее бы шли. Думал же прихватить, – сокрушался Алексей Николаевич.

До Школьной добрались за два с небольшим часа. Дошли до каменных осыпей, среди которых выбрали место для привала. Разожгли костер, поставили таган, подвесили котелок и чайник. Перекусили.

– Казик, поешь кам, – я подпалил над костром юколу, почистив от нагара, подал однокласснику.

– Вкусно, в первый раз ем кам.

Поели отварной картошки с поджаренным на костре мясом. Насытившись, легли отдыхать. Вовсю палило весеннее солнце, место нашего привала закрывала от северного ветерка сопка Школьная. Было тепло.

– В школьные годы мы всегда ходили в походы. Все окрестности облазили, – с ностальгией произнес Алексей Николаевич.

– Мы поотдельности – кто с семьей, кто с друзьями – ходим в походы. Хорошо бы классом пойти, здорово было бы.

– Обязательно сходим, – заверил классный.

Отдохнув от сытного обеда, мы начали свой подъем на Школьную. Время прохождения расстояния от подножия до первой вершины заняло сорок минут. Выбирали удобные участки пути. По серым,

испускающим синеватый оттенок камням мы выходили на снежные поля, выдалбливая в промерзшем насте ступеньки. На крутом снежном подъеме нам встречались следы бывших здесь накануне медведей. Наконец, мы забрались на вершину, нас окатило холодным, студеным ураганным ветром. В тот же момент нам открылся необычайно красивый вид пестрой тундры.

Преодолев все трудности, установили на пирамиде Знамя Победы, с помощью заранее приготовленной веревки прикрепили древко к торчащему из макушки лому.

В ушах свистал хлестко бывший в лицо ветер. К этому свисту присоединился звук, скорее гул трепещущего материала.

Дальше мы пошли по плато, встречая бесконечные надписи фамилий и имен, дат, признаний в любви, прямо на земле выложенных из камней. Вышли на верхнее плато. Здесь надписей стало больше. На обоих плато мы оставили и свои автографы. Алексей Николаевич, как ни старался отыскать свои предыдущие «послания внукам», его старания были тщетны – надписей было море.

Время от времени спускались на левый, морской склон сопки погреться, укрывшись от пронизывающего до костей ветра. Осмотрев в бинокль окружающие окрестности, мы вышли в обратный путь. Дойдя до реющего на ветру знамени, мы постояли возле него, отдавая дань павшим воинам, погибшим в боях за Родину. Почтили их память минутой молчания.

Спускались мы примерно по тому же маршруту, по которому поднимались, стремительно ска-

тываясь по медвежьей колее и кое-как передвигаясь, ища более удобный путь между камнями при крутом спуске. Мы и не ожидали, что наш спуск займет то же время, что и подъем, – сорок минут.

У подножия сопки разожгли костер, отварили гречневую кашу обильно заправили ее тушенкой. Возле костра сложили из камней пирамиду, возле которой выложили наши имена и дату пребывания.

Солнце клонилось к горизонту, мы любовались видом открытого, таскающего по водной глади многочисленные поля льда блестящего моря. Из труб котельных посёлка клубился угоняемый в море северным ветром дым. За поселком вдали красовались белоснежные, очерченные синими полосками камня Чайбухинские горы. Горная цепь тянулась далеко с севера, плавно переходя в полуостров Тайгонос.

Напоследок попив горячего свежесваренного чая, мы стали собираться в дорогу. Шли не спеша по рыхлому от палящего днем солнца снегу. Западная часть неба окрасилась в розово-алый цвет. Вечерело. Спустились с холмов в тундру. Дорога, за зиму утрамбованная «буранами», белела тонкой полоской среди коричнево-желтой тундры. В этот момент мы вспомнили про лыжи, которые не помещали бы нам в данный момент. Уставшие за день, мы подходили к вертолетной площадке на окраине посёлка, на которой вырисовывалась фигура человека. Было десять вечера, когда мы ступили на вертолетную площадку, усыпанную речной галькой.

– Сколько можно ждать? Дома получишь! – встретила пережи-

вающая мама Казика и повела его домой.

Оглянувшись, переведя дух, мы с чувством выполненного долга любовались реющим над Школьной знаменем, которое отчётливо можно было разглядеть в бинокль. Пирамида, которая обычно выглядела маленькой выпуклостью на вершине сопки, выросла раза в три.

После выходных, по приходу в школу, на пороге меня встретила, сложив на пояс руки, завхоз Людмила Михайловна:

– Это же надо – додуматься украсть знамя! Где я на будущий год буду материал искать, скажите мне, пожалуйста!

– Досок нам не привозят, как в советские времена. А у техничек швабры без конца ломаются, – добавил трудовик Вячеслав Прохорович.

– Молодцы, ребята – в честь Дня Победы флаг установили! – поддержала нас завуч. – А я-то думаю: заработалась, что ли? Знамя вроде бы стояло, и вдруг его нет.

Все учителя одобрительно смотрели на нас, стоя возле гардероба всем коллективом, ожидая пришедших в школу учащихся.

– А мне дома сильно досталось, – шепнул мне на ухо Казбек, – но я не расстроен – классно ведь время провели.

Как и обещал Алексей Николаевич, мы сходили в поход всем классом, вспугнув из-под одной скалы рыжую лису. Знамя красовалось еще долго, пока не истребалось постоянными воздушными потоками, характерными для высоты над уровнем моря, где мы его установили.